

В густой, удушающей атмосфере убийственного намерения Ху Фэйбай невольно обмяк, его конечности задрожали, а в глазах мгновенно выступили слезы:

— Хорошо, хорошо, спрашивай. Спрашивай, о чем хочешь.

— Юй Цзыци вернулся?

Ху Фэйбай кивнул, и в его глазах, отражая свет, задрожали крупные слезы:

— Вер-вернулся, только что вернулся.

— Он один? Не ранен?

— Нет, нет, он один.

— Хм! Повезло же ему! — пришедший скрежетнул зубами, помолчал и добавил: — Паршивец, жить надоело?

Ноги Ху Фэйбая подкосились:

— Н-нет, не надоело.

— Тогда води меня в комнату Юй Цзыци.

— Но...

Пальцы, сжимавшие его горло, сомкнулись сильнее, перекрывая доступ воздуха. Задыхаясь, Ху Фэйбай вцепился в собственное горло, пытаясь отбиться, но перед лицом неминуемой гибели он, наконец, сломался, покорившись тени смерти.

Дверь комнаты распахнулась. Ху Фэйбай, скованный ужасом, с одеревеневшими конечностями вышел наружу, а следом за ним, бледный как полотно, следовал мужчина. Они прошли через бесконечные ряды изящных павильонов и террас горы Шанчуань.

...

— Снято!

Проба закончилась. Лю Гэ отступил на шаг, не демонстрируя лишних эмоций. Сюй Цзюньцзе, широко распахнув глаза, с мольбой и надеждой посмотрел на режиссерскую группу.

Режиссер, мужчина с тонкими усиками, сидевший в центре, бесстрастно махнул рукой:

— Следующий.

Взгляд Сюй Цзюньцзе потух, он понуро поплелся на свое место, не заметив, как члены группы переглянулись между собой — в их глазах читалось явное удовлетворение. Выбрать на роль Ху Фэйбая человека с такой запоминающейся внешностью — риск, который стоит того. Особенно учитывая, что у Сюй Цзюньцзе была актерская база: он изобразил трусость и мрачность Ху Фэйбая настолько мастерски, что вызывал лишь раздражение и желание придушить его, а когда в будущем главный герой отправит его на тот свет, зрители будут ликовать. Главное, что

образ Сюй Цзюньцзе не вызывал жалости, только приятное чувство справедливости.

Они не ожидали, что найдут подходящего актера с первой же попытки.

Конечно, пробы продолжались. У каждого свое видение, и они надеялись, что остальные участники преподнесут им новые сюрпризы.

Ши Гуан тоже украдкой наблюдал за Сюй Цзюньцзе. К его удивлению, парень был действительно хорош: страх перед хулиганом, подавленность при уходе, ужас под угрозой смерти и финальная капитуляция — все выглядело настолько естественно, что даже Ши Гуан не был уверен, смог бы он сыграть лучше.

После него выступили еще двое. Они следовали официальному описанию характера Ху Фэйбая — трусливый, угрюмый, слабохарактерный, — но по сравнению с Сюй Цзюньцзе им явно не хватало убедительности. У режиссеров уже начали вырисовываться фавориты.

Пока не настала очередь пятого.

— Ши Гуан.

Ши Гуан встал, спокойно обошел чью-то ногу, выставленную в проходе, и уверенно поднялся на сцену. Стоило ему встать в центр, как под светом софитов его лицо в светло-голубой рубашке буквально засияло. Высокий, статный, с тонкими чертами лица — он просто стоял, а глаза режиссеров уже загорелись. Лю Гэ обернулся и принялся внимательно его разглядывать, в его взгляде читалось недоумение. Наконец, усатый режиссер озвучил общую мысль:

— Ты пробуешься на роль Ху Фэйбая?

Ши Гуан кивнул.

Усатый приподнял бровь, сочтя это пустой тратой потенциала. Впрочем, красивых пустышек он видел немало, да и все подходящие роли для этого парня уже были заняты. Раз хочет — пусть пробует. Но, исходя из своего опыта, он понимал: если этот парень получит роль, придется приложить немало усилий, чтобы скрыть его природное сияние, иначе он будет затмевать главных героев.

Как бы то ни было, на красивых людей смотреть приятно. Единственная женщина в режиссерской группе, до этого сидевшая с недовольным видом, сама того не заметив, смягчилась, а ее сонные глаза оживились. Будь ее воля, она бы отдала ему роль только за одну внешность.

На самом деле, все они были предвзяты: после Сюй Цзюньцзе им казалось, что Ху Фэйбай обязан иметь неприметную внешность, иначе откуда взяться угрюмости? С такой ослепительной красотой он должен был бы сиять от счастья!

Ши Гуан в этот момент смотрел на Лю Гэ с нескрываемой гордостью, словно павлин, распушивший хвост; каждый изгиб его губ и глаз искрился уверенностью.

Лю Гэ едва заметно нахмурился. Его любопытство мгновенно сменилось холодным отвращением. Сам Лю Гэ обладал заурядной внешностью и строил карьеру на образе сурового парня, поэтому терпеть не мог таких вот красавчиков — считал их женственными, не

настоящими мужчинами, а еще их высокомерие раздражало больше всего: думают, что раз красивы, то им все дозволено.

— Готов? — единственная женщина в группе спросила более участливо, чем раньше.

Взгляд Лю Гэ стал еще более неприязненным.

Ши Гуан кивнул.

...

Шанчуань — благословенная обитель бессмертных, отрешенная от мира. Культиваторы парят в облаках, окутанные аурой святости. Но юноши, лишь недавно начавшие путь совершенствования, еще не сбросили оковы мирского — после занятий они, как обычные дети, шумно и весело возвращались в свои покои.

Навстречу им по извилистой галерее, словно дуновение ветра, шел Юй Цзыци, вернувшийся из похода по приказу учителя.

Заметив своего кумира — старшего брата, юноши притихли и почтительно расступились. Ху Фэйбай, привыкший держаться в конце толпы, не видел, что происходит впереди, но, поддавшись общему настрою, тоже отошел в сторону.

Толпа расступилась, словно море перед Моисеем, и перед глазами предстал Юй Цзыци, чей облик казался воистину бессмертным. Глаза Ху Фэйбая вспыхнули, в них отразились обожание и тоска. Уголки его губ слегка дрогнули в слабой улыбке. Он неотрывно смотрел на старшего брата, вспоминая его грацию при полете на мече и мощь, подобную грому, — от этого зрелища у него даже дыхание перехватило.

Юй Цзыци ласково расспрашивал младших братьев об успехах. Те, поначалу не желая беспокоить старшего, под напором бойкого Юя все же осмелели. Юй Цзыци тепло улыбнулся и поманил их рукой:

— Юй? Иди сюда, не бойся. Что тебе непонятно?

— Спасибо, старший брат! — глаза юноши по имени Юй засияли, он расплылся в счастливой улыбке.

Увидев это, остальные тоже радостно зашумели:

— Я, я! И я тоже, у меня тоже есть вопрос...

Толпа сгрудилась вокруг, и никто не заметил полного зависти взгляда Ху Фэйбая. Он смотрел на сияющее лицо Юя и мечтал поменяться с ним местами — чтобы это его окружали братья, чтобы это его опекал старший брат. Стиснув зубы, он попытался пробиться сквозь толпу, но кто-то грубо оттолкнул его назад. Ху Фэйбай вскрикнул, пошатнулся, а подняв голову, с ненавистью посмотрел на задиру, который его толкнул. В его глазах полыхнул холодный огонь.

Задира на секунду опешил, но тут же вызывающе вскинул подбородок, демонстрируя свою наглость.

Ху Фэйбай замолчал, просто стоял, резко контрастируя с шумной толпой неподалеку. Его гнев

постепенно утих, взгляд стал ледяным и острым, словно замерзшее озеро. Он молчал, но в его глазах читался немой вызов, и он твердо сделал шаг вперед.

Задира не ожидал, что Ху Фэйбай — со слабым Бессмертным корнем, худшими результатами в культивации и к тому же с этой раздражающей физиономией — посмеет бросить ему вызов. Ярость вскипела внутри, словно в звере, защищающем свою территорию. Этот маленький шаг стал вторжением в его владения. Вбешенный, он рванулся вперед и ударил Ху Фэйбая, прорывав:

— Проваливай!

Сказав это, Лю Гэ, игравший задиру, замер. Фраза вырвалась сама собой, и в тот же миг он понял, что по-настоящему вошел в роль. Взгляд Ши Гуана, полный вызова, вызвал в нем инстинктивную неприязнь. Нет, не так — возможно, еще раньше, еще до начала проб, он уже чувствовал к этому парню отторжение.

Под яростный рык задиры Ху Фэйбай не отступил, а наоборот, шагнул вперед и с презрительной усмешкой посмотрел на противника.

В этот момент Лю Гэ, встретившись с этим полным презрения взглядом, позабыл о прежних сомнениях, лишь еще сильнее рассвирепев. Он машинально выпятил грудь и взмахнул рукой. Когда его рука ударила Ши Гуана по лицу, раздался звонкий хлопок. Лю Гэ вздрогнул, увидев, как на красивом лице проступил красный след, и инстинктивно хотел извиниться.

Но тут Ху Фэйбай от удара отлетел назад, едва не упав. С трудом удержавшись на ногах, юноша мгновенно покраснел, в его глазах смешались ярость и глубокая обида. Он дрожал от гнева, но, вспомнив, что он лишь слабак в самом низу иерархии, гнев сменился отчаянием. Он посмотрел в сторону, и в его глазах, полных слез, читалась лишь жажда признания и тоска.

Лю Гэ быстро понял, что все еще в образе, и заставил себя сосредоточиться на сюжете. Что там дальше? Ах да, уход! Как уйти в этой сцене? Боевые навыки Ху Фэйбая явно невысоки, но гордость — огромна. В такой ситуации он должен был бы подраться! Но если начнется драка, это привлечет внимание, сюжет изменится, и Ху Фэйбай не сможет уйти в одиночестве.

Ши Гуан, да? Что этот парень задумал? Актерские способности есть, но нельзя же так своевольно менять сценарий!

Все так думали, не замечая, что их глаза и сердца уже были полностью захвачены происходящим.

Но в следующую секунду Лю Гэ застыл. Он с опозданием понял, куда смотрит Ху Фэйбай. Он смотрел на старшего брата Юй Цзыци! Сначала — взгляд, полный тоски и обожания, затем — медленное угасание, и, наконец, отрешенное возвращение к реальности. Разворот и уход. Все это выглядело так естественно! Обиженный Ху Фэйбай хотел найти поддержки у старшего брата, но тот, окруженный толпой, не видел его. Он осознал, что изгой, что этот шумный мир не для него, и в конце концов, полный печали, ушел...

Черт возьми! И такое объяснение?

Режиссеры остолбенели. Если вспомнить, что позже Ху Фэйбай предаст Шанчуань и Юй Цзыци, то, черт возьми, все встает на свои места! Мелочность? Есть. Ранимая душа? Есть. Коварство? Есть. Да ты сам виноват, что опустился на дно! Ты с самого начала был гнилым! Тебе прямая дорога в Культивацию Демонического Пути!

И в воображении режиссеров возник образ демонического культиватора Ху Фэйбая, властного, опасного и невероятно притягательного... Как же это круто.

И действительно, когда вернувшийся в комнату Ху Фэйбай встретил демонического культиватора Фань Яня и под угрозой смерти согласился стать проводником, даже сам автор оригинального романа счел этот переход к тьме неожиданно логичным.

— Он что, так и будет играть? Это же не соответствует официальному характеру персонажа, — прошептал кто-то из ожидающих своей очереди.

— Кто знает? — пожал плечами другой. — Может, выбрали только потому, что он красивый.

— Красивое лицо — залог успеха.

— Тебе бы в Корею съездить, может, помогло бы.

— Кстати, интересно, он сам-то бывал в Корее?

— Конечно, бывал.

— Я вот думаю...

Выступление Ши Гуана закончилось. Он поклонился и, повернувшись к Лю Гэ, смиренно произнес:

— Спасибо, учитель, что помогли войти в образ.

Лю Гэ почувствовал неловкость. Ему показалось, что это именно его «вели» в этой сцене.

...

Окончательное решение по ролям должны были объявить через три дня. После проб Ши Гуан ушел. В лифте вместе с ним ехали другие участники, атмосфера была напряженной. Лишь немногие знакомые переговаривались между собой, никто не решался посмотреть Ши Гуану в глаза. А если взгляды и пересекались, то в них читалось сложное смешение пренебрежения, настороженности и напускного равнодушия.

Ши Гуану такие взгляды были знакомы: в прошлой жизни он видел их предостаточно. Он не понимал, почему вечно притягивает к себе необъяснимую враждебность, из-за которой даже простые вещи превращаются в сложные.

Перед выходом из здания Ши Гуан посмотрел на Сюй Цзюньцзе, но тот отвел взгляд и, опустив голову, побрел следом за толпой. Эта мрачность была очень похожа на его Ху Фэйбая.

Режиссерская группа тем временем пребывала в нерешительности. Сюй Цзюньцзе был идеален в их первоначальном представлении: угрюмый, трусливый, сломленный перед лицом смерти, вынужденный предать учителя и сжечь мосты.

Но Ху Фэйбай в исполнении Ши Гуана был куда колоритнее. Его злопамятность, протест против несправедливости судьбы и путь падения делали характер более глубоким, а сюжет —

напряженным. Это был «Ху Фэйбай» Ши Гуана: красивый, из-за чего его гнобили; красивый, из-за чего у него не было друзей; красивый, из-за чего он шел своим путем — дерзкий и вызывающий.

Если «Шанчуань» — это картина тушью, то Сюй Цзюньцзе сделал бы ее гармоничной и монолитной. Но выбор Ши Гуана превратил бы Ху Фэйбая в самый густой, самый черный мазок на этой картине. Он перестал быть просто фоновым персонажем, он стал отражением главного героя, создавая яркий контраст, что идеально соответствовало непримиримой борьбе между Путем Добра и Демоническим Путем.

Группа была склонна выбрать Ши Гуана, но последнее слово оставалось за главным режиссером Цзэн Цзяньсю. А тот был известен своей осторожностью: любил проверенные решения, не терпел риска и непредсказуемости.

Ши Гуан об этом не знал. Он сделал все, что мог, остальное — воля случая. Будь у него больше ресурсов, он бы постарался повлиять на решение, но сейчас он — всего лишь небогатый студент без диплома.

Конечно, так будет недолго. Ши Гуан твердо решил: в этот раз он отбросит всякий стыд, и если потребуется — продаст душу, но вцепится в мощную опору в лице Лоу Чжана. Никто лучше него не понимал, как важно иметь сильного покровителя, особенно когда на кону борьба за главные роли. Если ты не суперзвезда, чье имя гарантирует кассовые сборы, то кто даст тебе главную роль? А сколько тех, кто заходит в проект с собственным капиталом?

Выйдя на улицу, Ши Гуан поймал такси и поехал в торговый центр. По дороге он зашел в соцсети: на его пост ответили тринадцать человек, число подписчиков перевалило за тысячу. В этом и была прелесть накрутки: люди любят следовать за большинством. Когда подписчиков много, появляются реальные репосты, а за ними — и «дикие» фанаты, которые со временем превращаются в фанатиков.

Хочешь популярности?

Порядок действий должен быть именно таким!

Ши Гуан хитро усмехнулся. Таксист несколько раз посмотрел на него в зеркало заднего вида, и, когда их взгляды встретились, не выдержал:

— Парень, а ты хорош собой.

Ши Гуан лучезарно улыбнулся:

— Актер, будущая звезда. Слушайте, давайте я вам автограф дам вместо оплаты за проезд?

Таксист лишь усмехнулся в ответ. Но спустя несколько лет он горько пожалел об этом. Его дочь-студентка, став фанаткой этого парня, обклеила всю комнату его фотографиями, а потом выложила две с половиной тысячи юаней за фото с автографом. Тогда таксист подумал: «Если бы я тогда взял тот автограф, мне не пришлось бы полмесяца вкалывать за рулем...»

Эх, знать бы прикуп — жил бы в Сочи...

Ши Гуан погулял по центру, купил нужных вещей и неспешно вернулся в университет.

Только он вошел в ворота, как зазвонил телефон. Он удивленно приподнял бровь.

Тянь Сыюй?

— Алло? — Ши Гуан ответил лениво. В последние дни, занятый пробами, он почти забыл, что у него есть такая «дешевая» подружка. И без лишних раздумий было понятно, зачем она звонит: человек, который обычно бегал за ним как собачонка, вдруг пропал. Даже если не любишь, все равно обращаешь внимание. Тем более что Тянь Сыюй к нему что-то испытывала, хотя и не могла устоять перед соблазнами яркой жизни.

— Слышала, ты был на пробах? Как все прошло? — раздался в трубке нежный голос Тянь Сыюй, в котором сквозила плохо скрываемая забота.

— Нормально.

— Оу. Ты сейчас свободен? У меня вода закончилась.

Как и ожидалось, забота была лишь предлогом, а настоящая цель — в конце.

— Нет, я еще не в общежитии, — Ши Гуан не хотел проявлять открытую враждебность, но и продолжать эти непонятные отношения тоже не желал. В любом случае, чувств давно не осталось, лучше держаться подальше.

— ... — на том конце воцарилось молчание, а затем Тянь Сыюй резко спросила: — Ши Гуан, ты что себе позволяешь? Я видела тебя у ворот! Ты что, врешь мне? Если не хочешь приходить, так и скажи, к чему эти игры?

— Щелк! — телефон был сброшен.

Ши Гуан слегка приподнял бровь, слушая гудки, спокойно убрал телефон в сумку и неспешно зашагал к общежитию. Время многое уносит, и дни, когда он бегал за ненужным человеком, остались в прошлом. Теперь он даже не мог представить, почему когда-то так сильно любил Тянь Сыюй — чуть ли не собакой перед ней ползал. Хорошо, что теперь это в прошлом, а ее капризы пусть терпит кто-нибудь другой.

В комнате было пусто — выходные, все разбрелись по своим делам. Честно говоря, жизнь студентов театрального вуза была далека от жизни обычных студентов: развлечений было столько, что голова шла кругом, и почти у всех были деньги. Обычные студенты, проводящие выходные в общежитии за интернетом — это для них было за гранью «крутости».

Ши Гуан встал рано, поэтому, вернувшись, завалился на кровать и провалился в глубокий сон. Проснулся он от грохота двери.

— Бах! — звук был такой силы, что Ши Гуан вздрогнул. Он перевернулся, выглянул из-под балдахина и увидел Ма Кая, который, опустив голову, снимал обувь, вытирая лицо и шмыгая носом. В воздухе отчетливо пахло влагой.

— Плакал? — спросил Ши Гуан.

— А! — Ма Кай подпрыгнул, закатил глаза и уставился на Ши Гуана: — Твою ж мать!

Только теперь Ши Гуан заметил на его чисто выбритом лице красный отпечаток ладони и царапину от ногтя. Судя по размеру следа и остроте царапины, этот парень явно нарвался на

какую-то девицу и получил по первое число.

<http://bllate.org/book/25613/3054533>